

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕГЕНДА

Завтра — день рождения актрисы, ставшей живой легендой нашей сцены.

Народной артистке СССР Марии Ивановне Бабановой исполняется восемьдесят лет. Шестьдесят из них отдано служению театру. Сыгранные актрисой роли — не просто театральные персонажи, они воспринимались как живые люди со своими характерами и судьбами.

Бабанова продолжает работать. Недавно она выступила во мхатовском спектакле «Все кончено», а теперь снялась в его телевизионном варианте. Неповторимого «хрустального» тембра голос артистки вновь звучит в радиопередачах.

«Бабанова. Легенда и биография» — так называется книга М. Туровской, которая вскоре выйдет в издательстве «Искусство». Предлагаем вниманию читателей фрагмент из нее, рассказывающий об одном из лучших созданий актрисы — Тане из одноименной арбузовской пьесы.

Я со школьных лет помню начало «Тани» — это удивительное ощущение «легкого дыхания», какого-то новогоднего счастливого ожидания, которое вносила Бабанова в тесное пространство сцены, придвинутое к зрителю светящимся панно художника Варпека. Как будто оттуда, где помещались непрезентабельные кулисы Театра Революции, летел ей вслед тот праздничный, веселый снег, который и вправду хочется глотать «как мороженое».

Таня входила с лыжами, в белой пушистой шапочке, которая сразу стала мечтой всех москвичек, скидывала шубку, легко кружилась, запева под радио первые попавшиеся, вполне прозаические слова:

«Все готово...

Где же Герман...?»

Входила, как в блоковском стихотворении:

«Она пришла с мороза,

Раскрасневшаяся,

Наполнила комнату

Ароматом воздуха и духов,

Звонким голосом

И совсем неуважительной

к занятиям

Болтовней».

Можно было даже представить себе, что духи, которые употребляла бабановская Таня, были «Манон» — в плоском флакончике с граненой острокопечной пробкой, маленькой сизо-голубой этикеткой и тонким, девически-кокетливым ароматом — стойкие духи фабрики «Ленжет».

Можно без конца описывать

милые пустяки, прелестные подробности — всю эту азбуку Таниной беззаботной еще любви. Таня успевала слегка пококетничать, создать уют, погасив верхний свет и устроившись на тахте, обрадоваться вкусному вину, принять на минуту правоучительный тон заботливой жены, напеть пару тактов песенки, омрачиться на мгновение болезнью незнакомого ребенка (предложенный автором мотив эмоциональной глухоты актриса принять не могла), продекламировать, аккомпанируя себе на пианино, — почти как стихотворение в прозе, — те обрывки воспоминаний, которые могли бы иначе показаться выпренно-стью.

«Вот и кончилось детство.

Знаешь, Герман,

Мне всегда кажется.

Что я оставила детство

В другом городе,

Далеко-далеко,

Но оно не кончилось,

Оно продолжается,

Но без меня...».

Она успевала приластиться к Герману, рассказать смешное и страшное, как всегда, областав голосом любимые звуки: «для лыж такая ле-е-ткая погода»; торжественно и звонко провозгласить поход на «Евгения Онегина» и, не давая себе огорчиться предательством любимого, маленьким голосом примерной девочки отпустить Германа к друзьям: «Ну что ж, поезжай».

Уже в этой первой картине Лобанов создал тот житейский противоток лирической Таниной

мелодии, который нес в себе будущую драму: Таня, заслышав Германа, пряталась в шкаф, а Дуся указывала Герману глазами, где она. — практические люди, они не разделяли Таниных проказ. Герман погружался в газету (там видел он впервые портрет Шамановой), Дуся торопилась в кино и уносила из-под носа тарелки. Все это, по мысли автора, свидетельствовало против Тани, глупенькой, ничем не занятой, кроме своего счастья: не зря Герман увлекался энергичной Шамановой. На сцене все было наоборот: Герман, Шаманова, Дуся, которую комедийно, но и серьезно играла Тер-Осипян, — все были житейски узнаваемы, колоритны и... плоски по сравнению с богатством «своего» мира, который приносила на сцену Бабанова. Они были знакомы и обыкновенны, Таня — удивительна. Они были нормальные люди тридцатых годов со своими радостями и жизненными планами — она была чудо, которое никто из них не умел оценить. Свидетельствуя это, как многократный зритель «Тани».

Мы ходили в театр не учиться на Таниных ошибках, а любоваться, как она войдет с мороза, раскрасневшаяся, в белой пушистой шапочке, и слушать, как счастливо она выведет: «Сегодня для лыж такая ле-е-г-кая погода».

Мы все хотели наряжаться в такие же шапочки, добывали их правдами и неправдами, вязали из пуха ангорского кролика и так же, как Таня, кокетливо заправляли внутрь острые уши. В этом обезьянстве жило теплое человеческое чувство. Мы-то знали, что Таня — чудо, а симпатичные, но прозаические люди на сцене этого не замечали, и было ясно, что оно вот-вот от них отлетит.

В этом, а не в чем другом были единственность и волшебство спектакля Театра Революции по пьесе, к которой хорошо играли, кажется, везде, ибо не было долго в советском репертуаре женской роли более благодарной, чем Таня.